

**ВОЛКОВ
ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ**

директор «Левада-Центра»
(российское юридическое лицо,
выполняющее функции иностранного агента)

БУДУЩЕЕ РОЖДАЕТСЯ В ДИАЛОГЕ¹

Что ограничивает горизонт планирования

Наши исследования показывают, что в 2000-е годы увеличилось число россиян, которые планируют свое будущее, но на длительную перспективу планы строят лишь 4—5 %, еще около 10 % строят планы на 5—6 лет вперед. В целом я бы выделил следующие причины короткого горизонта планирования. Во-первых, это опыт жизни в XX веке в России — войны, кризисы, опыт 1990-х — имея за плечами этот опыт, люди опасаются планировать. В ходе дискуссий на фокус-группах тема будущего всегда идет сложно, участники могут ответить: «Что вы нас спрашиваете о 2050-м годе, может, страны не будет к этому времени», бывают даже агрессивные реакции. Поэтому разговоры про социальное, политическое будущее мы в исследованиях если и ведем, то по аналогии, например, с другими странами: вот, в Казахстане произошел такой-то транзит, или на Украине состоялись такие-то выборы, или в Белоруссии прошли протесты — как думаете, возможно ли такое у нас? И тогда только получаем отклик, только в таком режиме удастся пофантазировать на тему будущего.

Во-вторых, люди не чувствуют, что они в состоянии на что-то повлиять, на тех же фокус-группах мы слышим: «Да от меня вообще ничего не зависит», «Все равно все будет не так, как я запланирую», «Все равно власти сделают, что они хотят».

В-третьих, важен материальный статус и социальный капитал человека. Чаще о длительном планировании говорят люди с большими ресурсами, состоятельные, обладающие влиянием, чувствующие себя хозяевами своей жизни. И, наоборот,

¹ По мотивам интервью специально для СоциоДиггера. Интервью брал Тимофей Нестик, текст готовила Наталья Седова.

живут одним днем, как правило, люди, которым не хватает денег на повседневные нужды, с низким уровнем образования. Или мелкие предприниматели.

В-четвертых, важный фактор, сдерживающий долгосрочное планирование, — недостаток публичной дискуссии на тему будущего. Об этом могут говорить политики, соревнующиеся за разные образы будущего и за разные инструменты его достижения. Но при этом политической конкуренции очень мало. Даже если мы берем А. Навального, который говорит о «прекрасной России будущего», то сейчас люди говорят: «А где Навальный ваш, чего он добился?». Вместо этого мы имеем «прекрасную Россию бу-бу-бу» — телеграм-канал, который высмеивает оппозицию и ее разговоры о будущем.

Обычный человек не искушен в политике, ему нужно на что-то опереться, выбрать из каких-то обсуждаемых сценариев, проектов, программ. А поскольку выбрать не из чего, то представления о будущем, о возможных его сценариях очень бедны. Будущее сегодня в этом смысле — продолжение настоящего. Если мы говорим о желаемом будущем, то обычно это состояние чуть получше, чем сейчас: зарплата, пособия чуть повыше, цены чуть пониже, жить будем чуть получше. Если прислушаться к тому, как участники наших фокус-групп описывают ожидаемое, наиболее вероятное будущее «суть получше» или «чуть похуже» настоящего. Есть, конечно, и определенный процент тех, кто говорит если не о катастрофическом будущем, то испытывает подспудное ощущение упадка, территориального сжатия России (иногда такое в рисунках респондентов можно увидеть — Россия 2050-го года, сжатая до своей европейской части или, утрируя, до Подмосковья). Но такие апокалиптические представления скорее маргинальны. Чаще речь о постепенном загнивании, упадке.

В-пятых, приведу еще одно важное обстоятельство, связанное с видением будущего молодежью. Часто говорят, что молодежь больше задумывается о будущем, но это не совсем так, длиннее горизонт планирования у людей средних возрастов. Мы видим, что сегодня у молодых появился страх, в том числе собственного будущего — молодые участники исследований рисуют решетки, говорят, что их могут посадить за какое-то мнение, за репост в соцсетях. Заметная доля молодых участников фокус-групп сегодня боится говорить о политике, протестах, оппозиционных политиках — это новое, то, чего в таких масштабах мы не наблюдали еще год назад. До этого было желание части молодежи уехать из страны и строить свое будущее не здесь, но опять же оно не было общим, скорее среди активной части молодежи, и неважно, оппозиционно или лояльно настроенной. А вот сегодня новое — это страх, ощущение давления, дискомфорт по поводу собственного будущего в своей стране. Плюс молодежь оказалась под давлением не просто ситуации, не просто действий властей, но и под давлением мнения старшего

поколения, которое не одобряет инаковость молодежи, ее протестный настрой, увлечение западной культурой. Не знаю, можно ли говорить об углублении конфликта поколений, но вообще в этом году заметно обострились противоречия, связанные с оценками ситуации и того, как и что нужно делать по этому поводу.

Шестой фактор, который оказывал чуть ли не доминирующее влияние на ситуацию в моменте, — пандемия. Она подействовала, прежде всего, на тех, кто занимается собственным бизнесом. Предприниматели — вроде бы небольшая прослойка в обществе, но тем не менее на фокус-группах в течение последних полутора лет звучит тема связанных с пандемией закрытий небольших предприятий, банкротств, приостановки бизнеса. На вопрос о том, кто пострадал, в первую очередь называют предпринимателей, для которых пандемия стала фактором не просто неопределенности, но и новой опасности. Если твоя работа зависит от того, будешь ли ты находиться за рулем или стоять за прилавком как наемный работник, то для тебя пандемия, локдауны, нерабочие дни означают потерю работы и дохода. Но особенно важно это для предпринимателей, тем более в бизнесе, где невозможно перейти на удаленную работу. Пандемия в этом смысле стала фактором, который просто не позволяет думать о будущем, как, например, в свое время пенсионная реформа. Тогда многие не хотели верить, что пенсионную реформу примут, думали, что, может, пронесет, не хотели вникать, вытесняли мысли об этом из своего сознания. Тогда это повлияло на горизонты планирования прежде всего людей предпенсионного возраста, а сегодня молодые говорят, что, когда достигнут пенсионного возраста, уже вообще никакой пенсии выплачивать им не будут. Сильно пострадала от пандемии молодежь, которая из-за дистанта выпала из привычных связей, символом чего стали удаленные или отмененные школьные выпускные. Особенно важным это было для тех, кто только недавно пришел учиться, то есть выпал из прошлых связей, а новые еще не сформировались.

Возвращаясь к теме отношения к будущему среди представителей бизнеса, подчеркну, что это отдельная тема, но коротко обозначу ключевые моменты. Три года назад у нас был проект с Андреем Мовчаном, мы опрашивали бизнесменов, в том числе о будущем, о планировании, о том, что может сделать власть². Главная проблема, которая мешает бизнесу принимать решения, думать о будущем, строить планы, это, во-первых, постоянно меняющееся законодательство, меняющиеся правила игры, повышение налогов, понижение курса рубля, недостаточная защита права собственности, понимание, что хороший бизнес могут безнаказанно «отжать». Кроме того, долгосрочное планирование осложняют

² Мовчан А., Волков Д. Неполитические реформы. Исследование мнений бизнесменов // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2018/09/27/ru-pub-77353>.

дорогие кредиты, недоступность длинных денег. Из новых факторов — локдауны, нерабочие дни «с сохранением заработной платы».

О динамике социальных настроений

Социальный оптимизм в последний год рос, что было связано с восстановлением после психологического шока от первого локдауна. Люди так и описывали свой опыт переживания первых недель в локдауне — как шок, страх, непонимание того, что будет дальше. Это была действительно шоковая ситуация, связанная с неопределенностью, когда человеку важно было и самому удаленно работать, и детей удаленно обучать, или были непонятны перспективы с зарплатами и со здоровьем. То есть сначала это все на людей навалилось, а потом начался плавный выход из этого состояния. Участники наших исследований уже осенью прошлого года говорили, что сначала было страшно, а сейчас уже не страшно, сейчас уже примерно понятно, что это такое, мы знаем, к чему готовиться, один раз пережили и знаем, как снова пережить, если придется.

Таким образом, с лета прошлого до лета этого года мы видели медленный рост оптимизма, восстановление его уровня. Если посмотреть в долгосрочной перспективе, то пик оптимизма приходился на 2014—2015 годы, когда в связи с присоединением Крыма наблюдалась сначала эйфория, потом пришло ощущение, что будет все хорошо, выросли даже оценки экономической ситуации (правда, ненадолго), оценки действия властей, оценки по поводу будущего. После этого всплеска оптимизм потихоньку снижался. Но последний год был периодом восстановления оптимизма — вплоть до лета, когда оценки вновь пошли вниз.

Выплаты, которые получили более половины семей, серьезно улучшили самочувствие людей, оценки политической ситуации, повысили рейтинги. При этом настроения тех, кто ничего не получил, не изменились. У тех, кто получил эти выплаты, оценки оказались почти на 10 пунктов выше, это серьезно повлияло на социальное самочувствие.

Что будет дальше — большой вопрос, потому что не совсем понятно, где брать ресурсы для роста оптимизма. На ожидания по поводу будущего сегодня влияет инфляция, рост цен. Но здесь катастрофических настроений ждать неоткуда, скорее будет либо стагнация настроений, либо очень медленное сползание в пессимизм. Сейчас пока позитив преобладает, но «навес» оптимизма над пессимизмом не очень большой. И риски снова скатиться в уныние, пессимизм, депрессию есть.

Для оценки динамики социальных настроений важно, чтобы показатели были регулярны. У нас из сводных регулярных показателей есть индекс социальных настроений, который включает в себя оценки власти, оценки собственного положения, оценки ситуации в стране и ожидание, как будет развиваться ситуация. Сегодня выше именно оценки собственного положения³. Что касается оценок власти, то после 2014 и до 2017 года они были высоки, в том числе надежды на власть, что она поможет, что она компетентна. После пенсионной реформы оценки сильно просели. Сегодня есть некоторый оптимизм: и в оценках своей ситуации, и в плане некоторой надежды на власть. Оценки власти важны применительно к теме коллективного будущего, потому что для большинства варианты будущего и представление о том, кто может что-то сделать для улучшения ситуации, связаны с государством — не с личными усилиями, не с обществом, не с общественными организациями, не с политиками или политическими партиями, а именно с государством. Патерналистские установки растут на протяжении последних нескольких лет, это обратная сторона отсутствия экономического роста, стагнации и падения уровня жизни последних лет. И если говорить об оценках людьми ситуации в стране в целом, то они намного ниже, чем оценка личного положения. Ожидания еще хуже, большого оптимизма нет, о росте говорить не приходится.

Что делать для поддержки долгосрочной ориентации и социального оптимизма

Главное, базовое — это низкая инфляция, а в идеале экономический рост. В повседневном планировании люди действуют и принимают вполне взвешенные экономические решения, при наличии у них информации о происходящем и при низкой инфляции как базовом условии для планирования. Второе — это развитие политической конкуренции, свободы СМИ, свободы дискуссии, обсуждений различных вариантов будущего. Чтобы у простого человека было некоторое меню идей для собственных размышлений о будущем. Чтобы развить это социальное воображение, нужно дать различным политическим силам, общественным организациям возможность отстаивать свой образ будущего, свою повестку без опасений, что за это что-то будет. Особенно важны свободные дискуссии для молодых.

Еще нужен определенный навык — за рубежом прямо в программы обучения введены предметы, в рамках которых учат справляться со сложностями нынешнего

³ Социально-экономические индикаторы // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

дня, финансовой грамотности и планирования, разбираться в потоке информации, понимать точку зрения другого. То есть нужны инструменты, которые позволяют человеку лучше ориентироваться в том, что происходит, а значит, правильно оценивать свои силы, возможности, потенциал, на которых будет базироваться планирование будущего.

В отношении бизнеса — нужно меньше менять правила игры и предоставить возможность дешевых кредитов. Но даже получив доступ к «длинным деньгам», часто предприниматели опасаются иметь дело с государственными программами поддержки, если у них нет связей, которые могут решить возможные проблемы с государственными органами. Ну и опять же, если говорить о массовом уровне, то массовый предприниматель, малый предприниматель, как и обычный человек, во-первых, многих инструментов не знает, во-вторых, к государственным деньгам боится подойти, боясь сурового наказания за произвольную ошибку.

Очень важное направление — обратная связь между властью и гражданином. Вспомним ту же пенсионную реформу, которая стала в свое время ударом по доверию граждан к государству. Реформа обсуждалась в основном среди экспертов, а для массового человека это был гром среди ясного неба. Сегодня мы имеем отсутствие или недостаточную коммуникацию, отсутствие доверия между массовым человеком и государственными институтами. На тех же фокус-группах люди постоянно говорят, что их не слышат, не информируют, что все происходит в таком директивном порядке, нет обратной связи, диалога власти и населения. И нет доверительного разговора обычного человека с чиновником. В отсутствие этого разговора многие инициативы могут восприниматься в штыки, будь то вакцинация, установка городских систем видеонаблюдения или введение электронного голосования. Те, кто не доверяет власти, по умолчанию отвергают ее инициативы, воспринимают их как злой умысел — даже не вникая в то, что предлагается. Степень недоверия и неодобрения деятельности государства выросла за последние три-четыре года и что бы власть ни делала, от трети до 40 % говорят, что «что-то они там плохое придумали», что «это значит, поднимут цены, а качество не изменится», и т. д. Вот это базовая установка, в основе которой негативный опыт и с которой очень сложно планировать будущее.

От власти в первую очередь ждут, чтобы чуть-чуть лучше стало жить. Мы уже говорили, что желаемое будущее большинство представляет как несколько измененную копию настоящего и в целом ждет хотя бы небольшого улучшения, небольшой помощи, чтобы было чуть полегче. То есть массовый запрос к власти не такой уж большой. Еще ждут, чтобы она лучше слышала людей. Этот запрос явно обострился в последние годы, потому что обратная связь не срабатывает, и не срабатывает на многих уровнях. Очень многие сегодня воспринимают протест-

сты как последнюю возможность обратной связи. Люди говорят: «Послушайте нас, что нам нужно, ведь мы не хотим ничего из ряда вон выходящего». Поэтому же на фокус-группах социолог-модератор воспринимается как представитель власти, и нам говорят: «Пожалуйста, сообщите наверх о том, что у нас такие-то проблемы, потому что здесь нас никто не слышит». То есть запрос на то, чтобы услышали, очень большой, а запрос на качественное улучшение жизни достаточно скромный. И можно было бы при желании достигнуть большего, если применять инструменты обратной связи. Но недостаточно просто социологических исследований, здесь важны и независимые СМИ, которые в свою очередь показывают существующие проблемы. До тех пор, пока каналы обратной связи будут закупориваться, ситуация будет оставаться неожиданной и непредсказуемой для всех — и для обычного человека, и для тех, кто принимает решения.